

ЛУННЫЕ ЗАЙЧИКИ СМЕРТИ

Трагедия 1988 года

ЭЛИС
АРИСУГАВА

От основателя и первого
президента Клуба хонкаку

ВУЛКАН
ЗАСЫПАЕТ.
ПРОСЫПАЕТСЯ
УБИЙЦА...

Культовые головоломки Элиса Арисугавы. Мастер хонкаку

Элис (Арису) Арисугава
**Лунные зайчики смерти.
Трагедия 1988 года**

«ЭКСМО»

1989

УДК 821.521-312.9
ББК 84(5Япо)-44

Арисугава Э.

Лунные зайчики смерти. Трагедия 1988 года / Э. Арисугава — «Эксмо», 1989 — (Культовые головоломки Элиса Арисугавы. Мастер хонкаку)

ISBN 978-5-04-249310-2

Группа студентов, среди которых четверо участников Клуба изучения детективов из Киото, разбивает лагерь на спящем вулкане Ябукияма. Под прекрасной полной луной они беседуют у костра и играют в расследование убийств, по жребию выбирая, кто из них будет убийцей, а кто жертвой. Кажется, дело идет к дружбе, которая останется на всю жизнь. Но идиллия превращается в кошмар... Вулкан просыпается, извержением заваливает путь вниз: они отрезаны от мира. И в этот момент одного из них убивают по-настоящему. На земле рядом с телом обнаруживается буква Y. Что это? Подпись убийцы? Или указывающее на него предсмертное послание жертвы? В атмосфере жуткой загадки мир дружбы и беззаботности рушится, уступая место подозрениям, страху и отчаянному поиску истины... Эта жертва не будет единственной. Автор в лучших традициях хонкаку бросает читателю вызов: вы знаете ровно столько, сколько знает тот, кто разгадает убийственную головоломку; сможете ли сделать это сами?

УДК 821.521-312.9

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-249310-2

© Арисугава Э., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

Действующие лица	7
Пролог	8
Глава 1	13
1	13
2	17
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элис Арисугава
Лунные зайчики смерти
Трагедия 1988 года

Посвящается хамелеону

© Чинарева Ю., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Действующие лица

Университет Эйто

Клуб изучения детективов

Эгами Дзиро (руководитель клуба), студент 4-го курса литературного факультета
Мотидзуки Сюхэй, студент 2-го курса экономического факультета
Ода Кодзиро, —"—
Арисугава Арису (я), студент 1-го курса юридического факультета

Университет Юрин

Китано Цутому, студент 3-го курса экономического факультета
Цукаса Такахико, студент 3-го курса факультета коммерции
Тода Фумио, студент 2-го курса факультета коммерции
Такэсита Масаки, студент 2-го курса факультета естественных наук
Харуми Мика, студентка 3-го курса литературного факультета
Кикиути Юко, студентка 2-го курса литературного факультета

Араси Тацуко, студентка 1-го курса литературного факультета
Иссики Сёдзо, студент 3-го курса юридического факультета
Мисака Нацуо, —"—
Нэнно Такэси, —"—

Институт Синнан Гакуин

Ямадзаки Саюри, студентка 1-го курса отделения английского языка
Химэхара Риё, —"—
Фукадзава Руми, —"—

Пролог

Земля снова содрогнулась, нарушив мой прерывистый сон. Я резко проснулся.

Остальные трое неподвижно лежали рядом, упакованные в спальные мешки. То ли их нервная система привыкла к вибрациям, то ли накопившаяся за день усталость взяла свое. Я почувствовал одиночество, словно меня оставили одного в море.

Осторожно отодвинув полог палатки, я выглянул наружу. Темно. Лунный свет не проник сюда из-за дыма.

Я перевел взгляд на вершину горы. Деталей было не разобрать, но казалось, будто что-то ужасное и огромное, словно из недр ночного океана, взмыло ввысь, под самый купол небес. Крупными противными хлопьями тихо оседал пепел. Я аккуратно вытер губы тыльной стороной ладони.

Вулкан все еще дышал.

Я вышел из палатки и потянулся. Тело отозвалось неожиданной усталостью – должно быть, спал в неудобной позе.

Где-то зажегся фонарик. Это у палатки Такахико. Луч приближался, за ним плыло в темноте белое худи. Точно, Такахико.

– Неужели опять? – обратился я к белой тени.

Тень ответила с отвращением:

– Не могу! Задолбало.

Стоя бок о бок, мы снова взглянули на вершину вулкана, который три дня назад впервые за двести лет пустился во все тяжкие.

– Как думаешь, на этот раз рванет сильнее, чем три дня назад?

В ответ Такахико лишь усмехнулся и пожал плечами:

– Мне-то откуда знать. Не удивлюсь, если в любую минуту с неба сойдет огненный столб и земля под нашими ногами разверзнется. Что вовсе не означает, что я к этому готов.

– Не хотелось бы мне умереть в таком месте.

– Мне, что ли, хотелось бы? Хотя, как по мне, лучше уж всей компанией сдохнуть при извержении, чем от рук маньяка (к тому же еще неизвестно, кто он). Вот честно!

– Так себе альтернатива.

Эгами высунул голову из палатки:

– Трясло!

– Проснулся? И сейчас трясет, неужели не чувствуешь?

– Трясет-трясет. – Такахико шутливо закачался из стороны в сторону. – Как тут не проснуться!

Эгами тоже вышел из палатки и потянулся:

– Я думал, токийцам землетрясения нипочем. Слышал, у вас трясет по нескольку раз в месяц. Даже нам, жителям Кансая, не по себе, что уж говорить об иностранцах.

– Эгами, это не землетрясение! Мы посреди проснувшегося вулкана. Ситуация безнадежная.

Эгами прикурил от зажигалки, протянутой ему Такахико. В воздухе сиренево заметался дым.

Такахико, тоже заядлый курильщик, достал пачку старого доброго «Реасе»¹ и затянулся. Курение походило на ритуал, и я молча выжидал.

– В женской палатке тоже горит свет.

---

¹ Реасе («Пис», *англ.* «Мир») – марка японских сигарет, названная в честь окончания Первой мировой войны.

Я обернулся в сторону, куда указывал сигаретой Такахико, и увидел, как в освещенной изнутри кремовой палатке двигаются несколько фигур. Луч фонарика плясал, а вместе с ним плясали и силуэты.

– Ты гляди, прямо ночной клуб «Ябукияма».

– Пойдем сходим.

Эгами пошел первым. В девичьем царстве – палатке на пять девушек – случился небольшой переполох.

Выскочила наружу Мика.

– Все успокоились? Надеюсь, никто больше не плачет? – строго спросил Эгами голосом школьного учителя.

Мика поправила очки в металлической оправе:

– Да есть тут некоторые. Умоляю, Реасе, сделай что-нибудь!

– Что? Опять она? – с досадой щелкнул языком Реасе, он же Такахико, и громко крикнул в палатку: – Эй, Тацуко! Поди-ка сюда! – Кажется, он завелся.

Навстречу своему рыцарю, стыдливо утирая слезы, вышла Тацуко. Хотелось одновременно и приструнить ее, чтобы плакала поменьше, и попросить Такахико быть с ней помягче.

– Дура! Всем и так тяжело, еще ты ноешь, одна-единственная. Если бы слезами можно было затопить вулкан, тогда ревела бы себе на здоровье.

– Прости... – пробормотала Тацуко, чье заплаканное лицо озарилось улыбкой при виде любимого.

– Ну все, Тацуко, успокоилась, да? Спасибо, Реасе. – С Микой конкурировать бесполезно. Такахико поджал губы и закатил глаза.

Набросив на плечи розовый кардиган, вышла Риё.

– Разбудить остальных? – обратилась она к Эгами. Лицо ее было бледным. Возможно, из-за фонарика Такахико.

– Подождем. А вот радио стоит послушать.

– Точно! – Мика бросила взгляд на Такахико: – Давай, бегом.

Такахико кивнул и бросился в свою палатку за единственным транзисторным приемником.

– До чего же ночь сегодня темная, – сказала Мика.

– Думаю, луну и звезды не видно из-за дыма, – ответил Эгами.

– Стоило нам решить, что выдвигаемся завтра утром, как на тебе – ночью еще одно сильное извержение. Что же это такое!

– Если повторится, то пусть хотя бы до утра подождет, часика четыре.

Обхватив руками плечи, накрытые кардиганом, Риё прошептала:

– Зябко.

– Честно признайся, что боишься.

– Может, и так... Но как только рассветет, мы начнем спуск. Надо просто немножко потерпеть, да?

Видимо, она и вправду сильно напугана, если несет такую чушь, да еще хочет, чтобы мы ее поддержали.

Такахико вернулся, прижимая к уху радиоприемник. Масаки шагал рядом.

– Слышно что-нибудь? – спросила Мика. Такахико шикнул, подняв указательный палец: тсс!

Из палатки, шурша и возясь, выбрались три девушки. Подбежали двое ребят из палатки Нацуо.

– Все проснулись. Мне сходить за Моти и Нобунагой?

Эгами ответил:

– Да, будь добр.

Поверить не могу, что эти двое все еще дрыхнут. Вот уж беспечная парочка.

Когда я отдернул полог палатки и сунул голову внутрь, они терли заспанные глаза, словно два котенка, умывающиеся лапками.

– О, Элис! А Эгами где? – позевывая, спросил Мотидзуки.

– Какое-то время нас болтало, и грохот стоял такой, что все проснулись. Только вы с Моти дрыхнете.

– Ого! Сейчас рванет?

– Не знаю. Все сейчас слушают приемник с Такахико.

– Ладно, Нобунага, просыпайся.

– Ага.

Любое их действие превращалось в комический номер мандзай². Если гигантское извержение отправит нас в мир иной, уверен, они и на берегу реки Сандзу³ найдут, чем повеселить демонов.

Теперь все участники лагеря были в сборе. Словно испуганные зверьки, жались в кучу под злое гудение горы.

– Без пяти час, – пробормотал я.

Мы на склоне Ябукиямы, проснувшегося вулкана. На часах 0 часов 55 минут, 2 августа. И это все, что мы знаем наверняка. Я мечтал, чтобы кто-то решил за меня, что делать.

– До рассвета спуститься не получится. Остается только молить гору вести себя спокойно в ближайшие четыре часа. – Такахико Цукаса пощипывал подбородок. Отросшая растительность на лице делала его похожим на Робинзона Крузо.

– А что, если накроет раньше? – спросила Тацуко, вцепившись в левую руку Такахико.

– Тогда бежать в лес, без вариантов, – назидательно ответил Эгами. – Вряд ли сюда устремится пирокластический поток⁴, поэтому наша главная задача – вернуться от вулканических бомб⁵. И тогда, считай, повезло. В любом случае лес – наше единственное убежище.

– Может, выкопать яму? Прямо сейчас, – поднял руку Ода.

Мотидзуки, стоявший поблизости со скрещенными на груди руками, смерил его взглядом:

– Вот и копай.

Риё по-прежнему зябко поеживалась. Кардиган был накинут на плечи, она так и не просунула руки в рукава.

Я незаметно переместился поближе к ней. Стоял уже совсем рядом, когда она окликнула Руми Фукадзаву, которая сидела на земле у ее ног:

– Вернемся в палатку?

Во время первого извержения в правую ногу Руми угодила вулканическая бомба, и теперь рана причиняла ей сильную боль.

– Да, пожалуй. – Она привстала, опираясь на плечо Риё.

– Предлагаю всем вернуться в свои палатки и немного поспать, – произнес Нацуо Мисака, бледный юноша с красивым лицом, который умело скрывал страх. – Лучше нам выспаться. Стоять здесь бессмысленно, а когда рассветет, придется идти по бездорожью, так что нужно хоть немного отдохнуть.

Все дружно кивнули.

Я вернулся в свою палатку, прислушался к подземному гулу и неожиданно быстро заснул.

---

² Мандзай – традиционный японский жанр комического диалога эстрадного дуэта, где один играет серьезного, а другой дурачится.

³ Сандзу – в японской мифологии река, отделяющая мир живых от мира мертвых, аналог Стикса.

⁴ Пирокластический поток – конгломерат выбрасываемых при крупных извержениях магмы, газов, пепла и кусков горных пород, обладающий крайне высокой температурой и скоростью.

⁵ Вулканическая бомба – крупный сгусток магмы, затвердевший в воздухе до приземления.

* * *

Ровно три часа.

Удар был такой силы, что казалось, мозг в моей голове перевернулся, прогоняя сон, в котором не было сновидений.

Одна из опор рухнула, и нас накрыло палаткой.

Началось!

Гора взвыла, словно животное, из ее нутра хлынул наружу гной. Я не чувствовал удивления, не испытывал страха. Я знал, что так будет.

Но сейчас нужно выбраться из-под палатки. Перед глазами кромешная темнота. Выбираться и бежать в лес. Пока я барахтался, кто-то с силой отбросил палатку в сторону, словно отдернул занавеску. Это оказался Эгами.

– Беги, Элис!

Я заметил Мотидзуки и Оду, которые ползли в сторону березовой рощи, – зрелище жалкое и смешное одновременно.

Главное – не смотреть на вершину горы. Я бросился к палатке Риё.

– Элис! – раздался пронзительный крик Риё. Она стояла над рухнувшей палаткой, у нее на плече повисла Руми. Их силуэты раскачивались из стороны в сторону. Люди, деревья – все качалось. Вверх-вниз, влево-вправо.

– Сейчас!

Она пыталась что-то кричать. Мои ноги шагнули в пустоту, взметнулись в воздух, и я рухнул на землю, ударившись щекой. Содрогнулся от резкой боли – кажется, треснул висок. Я слегка обмочился.

Встать на ноги никак не получалось.

Левый бок придавило к земле, я застонал, и в этот момент земля справа от меня вздыбилась, словно под ее кромкой прополз гигантский дождевой червь.

Левый глаз не открывался. Правым я видел вершину горы, залитую зловещим багровым сиянием.

Что ты делаешь? Долго собираешься тут валяться? Вставай! Неважно, с правой или с левой ноги. Вставай и беги. Ты поведешь Риё и Руми в лес и укроешься там. Торопись, баран! Кость треснула? Не преувеличивай!

Я поднялся. Больно! Больно, ну и что. Боль и бег не связаны друг с другом. Ты можешь бежать. Даже когда из носа хлещет кровь, ты можешь бежать.

И все же. Кровь лилась будто из крана, и мне это очень не нравилось.

Пошатываясь, мое тело двигалось вперед. Что с Риё? Где Риё, которую ты ищешь? Где розовый кардиган?

– Ри-и-и-ё-о-о!

Гул заглушал голоса. Пытался отнять у меня всю силу. Мне показалось, что крик «Э-э-элис!» слышится с другой стороны, но я продолжал двигаться в том направлении, куда несло меня тело. По инерции. Стоит мне изменить направление, как я тотчас запутаюсь в ногах и упаду. «Э-э-элис!» – голос как будто отдалялся.

Окружающий пейзаж качался, как маятник. Одно, два, три, много деревьев. Березовый лес. Мнимое убежище, не сулящее никакой безопасности. Спрячься в лесу. Осталось всего метров двадцать. Кровь из носа стекала в приоткрытый рот, вызывая дурноту. Тошнота. Жан-Поль Сартр⁶. Еще пятнадцать метров.левой. Правой.левой. Правой. Неудержимая сила. Насилие. Сколько еще, десять метров? Все еще нет?

---

⁶ У этого французского писателя есть роман под названием «Тошнота».

Уже падая, я вбежал в лес. Лапилли⁷ барабанили по листьям деревьев, и те гремели, словно жестяная крыша под дождем.

Я сел, обнял дерево у самых корней и, тяжело дыша, вытер тыльными сторонами ладоней стекающую из носа жижу. Левая часть лица и бок горели. Один глаз открывался разве что наполовину. Это пройдет, стоит лишь немного отлежаться. Прежний опыт говорил мне, что любая боль рано или поздно проходит.

Я медленно обернулся и посмотрел туда, откуда прибежал. Палатки валялись на земле, местность напоминала руины. Никого. Означает ли это, что все благополучно добрались до леса, этого или того, что напротив? А она? Риё тоже нигде не было видно. Удалось ли ей дотащить Руми до относительно безопасного места? Думаю, да. Просто они побежали в противоположную часть леса, вот и все.

Ладно. Довольно. Все спрятались.

Из-за гула бурлящих земных внутренностей вибрировали барабанные перепонки. Гора сотрясалась все сильнее. Где-то упало дерево. Раздался женский крик, голос показался знакомым. Что с Такахико? Голоса в любом случае раздавались где-то совсем далеко.

Я огляделся: нет ли кого поблизости? Темно, ничего не видно. Меня охватило чувство беспомощности. Я чувствовал себя запертым в ящике, который швыряет из стороны в сторону. Пытался кричать, чтобы дать им о себе знать. Но слабый голос едва достигал даже моих собственных ушей.

Возможно, все кончено. Время пришло. Пора морально готовиться. Это панорамное видение – когда в предсмертном состоянии перед внутренним взором проносятся яркие моменты жизни. Панорамное видение моего путешествия. Сцена первая – вагон поезда линии Коуми. Улыбающиеся лица Эгами, Мотидзуки и Оды. Кофейня в ожидании автобуса. Лица в кофейне. Лица в автобусе. Лица в лагере. Синяя вершина вулкана, под которой он спрятал свои когти. Ветер в кронах деревьев. Лагерный костер. Таинственная лунная ночь. Дежурство по кухне. Странное происшествие. Первое извержение. И последовавшая за ним трагедия. Смерть. Убийство. Риё.

Где Риё? Последние минуты я хочу провести с ней. Если не держать за руку, то хотя бы смотреть на нее. Если все равно суждено умереть, если тело мое все равно останется в этом мире, так что мне с того? Пусть ломается, словно кукла. Да пусть хоть развалится на куски. Лишь бы дойти до нее.

– Риё!

Иди в тот лес, куда она убежала. Ты спутал направление, теперь отправляйся в нужную сторону. Руки не оторваны, ноги на месте. Даже если тебя разорвет пополам, ты можешь ползти. А сейчас ты практически невредим.

Однако меняхватило лишь на пару шагов. Упершись руками в землю, я не мог шевельнуться. Впиваясь ногтями в кожу ненавистной горы, я пытался хотя бы мысленно воссоздать лицо той, которую любил последней на этой земле.

Но, Риё, неужели ты убийца?

---

⁷ Лапилли – то же, что вулканические бомбы, но мелкого размера.

Глава 1

Канун: игра в убийство

1

– «Трагедия Игрек»⁸, – моментально ответил Ода и забросил в рот жвачку.

– «Трагедия Игрек?» Эх, я ее хотел назвать. Значит, на «К», да? «Крылатый кинжал»⁹, – сказал Мотидзуки.

– А рассказы разве можно?

– Можно, если это рассказ из знаменитого цикла! Правда, Эгами?

Эгами, наш предводитель, равнодушно обозревавший проплывающее за окном вагона плато, ровным голосом произнес:

– Не надо усложнять. Можно.

– Тогда «Крылатый кинжал». Твоя очередь, Элис.

– Значит, на «Л»? Сейчас я вас точно сделаю!

Я мысленно перебирал корешки на своей книжной полке, двигаясь от одного конца к другому, и задумчиво мычал вслух. Четверо прекрасных молодых людей, чья беседа в вагоне поезда скорее напоминала бред наяву, должно быть, производили весьма странное впечатление на окружающих пассажиров.

««Л»... «Л»... Да что же это я? «Люпен против Шолмса»!¹⁰

Будучи эрудированным человеком, вы наверняка догадались, что мы играли в слова. Точнее, в названия детективов.

– Ну ты даешь! Как можно после «Трагедии Игрек» и «Крылатого кинжала» называть такие примитивные вещи! Мы что, уже и детские книги считаем?

Я хотел было возразить, что «Люпен против Шолмса» вовсе не детская книга, но Эгами коротко повторил:

– Не надо усложнять.

Мотидзуки продолжил:

– Разве полное название не «Арсен Люпен против Херлока Шолмса»?

Да уж, дотошный мне достался старший товарищ.

Меня зовут Арису Арисугава. Я первокурсник юрфака Эйто, частного университета в Киото. Своим необычным именем я обязан отцу, который считал, что имена должны легко запоминаться. Моего отца, кстати, звали Хадзимэ¹¹, и уж ему-то, наверное, несложно было запомнить, как пишется его имя.

Той весной мне чудом удалось с первой попытки поступить в заветный вуз, и я с трепетом переступил его порог.

Я шел записываться на факультативные занятия. День был сказочный, в императорском дворце тревожно опадала сакура. В небольшом кампусе было так многолюдно, что нельзя было пройти, не задев кого-то плечом. Атмосфера была оживленная. Свежеиспеченные первокурс-

---

⁸ «Трагедия Игрек» (1932) – второй роман тетралогии Эллери Куина (коллективный псевдоним дуэта писателей остросюжетного жанра Фредерика Даннэ (наст. имя Даниэль Натан) и Манфреда Беннингтона Ли (наст. имя Эмануэль Лепофски)) о глухом актере-сыщике Друри Лейне.

⁹ Рассказ (1924) английского писателя Гилберта Кита Честертона из цикла об отце Брауне.

¹⁰ «Арсен Люпен против Херлока Шолмса» (именно так, хотя в большинстве русских переводов используется изначальное имя – Шерлок Холмс) – роман французского писателя Мориса Леблана (1908).

¹¹ Имя Хадзимэ записывается одной чертой (иероглиф «единица»).

ники, которые наконец-то покинули низшую ступень эволюции (зачастую после долгих боев), и старожилы, приветственно зазывавшие их вступать в разнообразные кружки и секции. По обе стороны выстроились стойки регистрации. Повсюду виднелись вывески и реквизит. Был тут спорткар. И яхта. И даже планер. В углу разбивал черепицу каратист. Драмкружок разыгрывал таинственную пантомиму. А борцы в масках из секции профессионального рестлинга крутили сальто и исполняли разные трюки.

Куда я попал? На всемирную выставку? А может, в парк развлечений?

Я был немного обескуражен, в то время как другие первокурсники, наконец-то свободные от бремени вступительных экзаменов, наслаждались искренне и беззаботно.

– Ты ведь новенький, да? – Откуда-то сбоку выросла рука и схватила меня за предплечье. – Еще не выбрал секцию? Ты когда-нибудь фехтовал?

Вы шутите? Может, мне сразу в Силы самообороны¹² записаться? Я неуклюже отказался.

– Приветтики! Любишь английский? Давай попьем чайку, и я расскажу тебе о нашем клубе! – зазывала меня на чай красивая пожилая дама.

Нет, я не настолько безрассуден, чтобы попасться на эту удочку.

– Держи. – Мне в руку легла брошюра.

Я прочитал название: «Типичные ошибки при выборе факультатива». Текст гласил: «Если ты хочешь получить как можно больше отличных баллов, главное – правильно выбрать курсы, на которые хочешь зарегистрироваться. Университет сильно отличается от старшей школы. Один профессор ставит отлично лишь нескольким лучшим студентам, даже если остальные прилежно посещают все лекции, ведут записи и вовремя сдают работы. Другой разрешает на экзамене пользоваться чужими конспектами и ставит отлично в качестве комплимента всем, кто записался к нему на курс. Многие курсы выставляют свои стенды и проводят сомнительные презентации только ради того, чтобы хоть как-то набрать участников. Вот она, истина. И вот оно – единственное правильное решение». Дальше шло название какого-то творческого объединения. Мощно!

– Мы решительно выступаем против вопиющего сращивания коммерческих и академических кругов в лице вузовской администрации! – Какой-то активист рядом со мной толкал агитационную речь.

Я уже почти дошел до стойки регистрации юрфака, когда меня снова остановили.

– Хочешь попробовать что-то новенькое? Почему бы не заняться боксом?

Интересно, он вообще видит, с кем разговаривает? Пробормотав, что со мной лучше не связываться, я отпрыгнул в сторону, явно демонстрируя готовность к побегу. И тут же в кого-то врезался. Моя вина. Человек невольно выронил книгу, которую нес в руке.

– Простите! – Я покаянно склонил голову. Взгляд упал на название книги. «Подношение пустоте» Хидэо Накаи¹³. – Похоже, вы прочли большую часть? – Я поднял с пола книгу и протянул ему.

В ответ он улыбнулся, обнажив белые зубы. Передо мной был парень с длинными, по плечи, выщипанными от природы волосами. Явно старше меня, не первокурсник. Если подстрижется, может сойти за преподавателя.

– Да раз семь уже ее читал. Перечитываю минимум раз в год.

– А я прочел дважды.

– Любишь Хидэо Накаи?

– Обожаю!

---

¹² Название японских вооруженных сил.

¹³ Хидэо Накаи (1922–1993) – японский прозаик и поэт, редактор японской поэзии танка; указанный роман (1964) относится к «Трем великим странным книгам» – культовым экспериментальным романам, переинициализирующим каноны детективного жанра.

– Хочешь к нам? – Он развернул скрученный лист бумаги, который держал под мышкой. Это была судьба. На плакате было написано:

Клуб изучения детективов
Набор участников

После регистрации Дзиро Эгами повел меня из кампуса в комнату отдыха студенческого центра на противоположной стороне улицы Карасума.

– У нашего клуба нет своего помещения, поэтому мы обычно собираемся в комнате отдыха. Все члены клуба сегодня в сборе, так что пойдем, познакомимся, – с озорной улыбкой сказал Эгами.

Комната отдыха находилась на втором этаже студенческого общежития. Около двадцати столов и деревянных скамеек выстроились в два ряда. Студенты разъехались на весенние каникулы, и большинство столов были заняты скупающими членами кружков и секций и рекрутерами новых участников. Одни настраивали фолк-гитару, другие составляли информационные бюллетени или проводили редколлегию. Для удобства новоиспеченных участников на каждом столе стояла табличка с названием клуба.

– Нам туда.

В самом конце, у окна с выходом на террасу, я увидел кривую надпись «Клуб изучения детективов». Все участники действительно были в сборе. Все двое. Один из них старательно расписывал плакат толстым маркером.

– Ого, уже есть желающий присоединиться? – воскликнул, глядя на нас, тощий парень в очках в металлической оправе, а коренастый со стрижкой под Синтаро¹⁴ (ну и старье!) обернулся. – Вот что бывает, когда руководитель клуба сам расклеивает плакаты!

Меня пригласили сесть на край жесткой скамьи. Тощий представился как Сюхэй Мотидзуки, коренастый – Кодзиро Ода.

– Ты уже зарегистрировался? Мы оба учимся на экономическом, так что можем помочь с регистрацией, – сказал Мотидзуки, откладывая маркер.

Интересно, почему все так жаждут поспособствовать в вопросах регистрации?

– Нет, я на юрфаке. И уже зарегистрировался.

– Где живешь? Снимаешь?

– В Осаке. Планирую ездить туда-сюда.

– Кого любишь из детективных авторов? Что читаешь?

Допрос продлился некоторое время. Было ясно только одно – этот клуб неопасен. Хотя пока что я с трудом себе представлял, чем они тут занимаются. Судя по всему, весь последний год объединение из трех участников влачило жалкое существование. Даже клуб маджонга и тот, наверное, пользовался большей популярностью.

– А чем вы тут, собственно, занимаетесь? – попытался я задать очевидный вопрос, но Мотидзуки с Одой переглянулись и слегка растерялись.

– Ну... – Мотидзуки замешкался.

– Может быть, издаете вестник?

– Нет, – ответил за них Эгами.

Я собрался продолжить, но он спросил:

– Хочешь заняться этим, Арисугава?

---

¹⁴ Мужская стрижка, популярная в Японии в 50-е годы: в спортивном стиле, но с более длинной, чем обычно, челкой, падающей на лоб, (выше уровня бровей); названа в честь писателя Синтаро Исихары, по роману которого «Сезон солнца» в 1956-м был снят популярный фильм, где герои носили ее, в т. ч. тот, которого в эпизоде сыграл сам Исихара.

Эй, я, вообще-то, пару минут назад узнал о существовании Клуба изучения детективов и ничего такого не планировал.

– Это наш бич. Мы собираем людей, которые не знают, чем они хотят и чем будут заниматься.

– Эгами, вообще-то, я как раз собирался издать первый выпуск в этом году, – с досадой сказал Мотидзуки и добавил: – Чтобы опубликовать в нем сразу весь твой роман.

Эгами, второй год подряд сидевший на четвертом курсе философской кафедры литфака, по-видимому, работал над монументальным произведением. Все о нем слышали, но никто не видел. Загадочная рукопись под названием «Убийство в замке Красной смерти»¹⁵, которая уже перевалила за 1200 страниц и могла потягаться с Муситаро Огури или Эдгаром По, все еще не была закончена.

– Эгами, ты правда его пишешь? Ведь ни странички не показал, – промолвил Ода, но вместо ответа наш предводитель только усмехнулся.

– Напиши здесь свое полное имя, адрес и номер телефона. – Мотидзуки придвинул ко мне блокнот с отрывными листами, который он называл клубным.

– Арису Арисугава. Правда, что ли? – удивленно воскликнул Ода.

– А что такого? Есть же в твоём любимом «Восемьдесят седьмом полицейском участке»¹⁶ детектив по имени Мейер Мейер, – взглянул на меня Мотидзуки. – Мне нравится. Заковыристое имя.

Итак, я написал свое имя, адрес и пошел домой. Когда начались занятия, ноги сами привели меня в студенческий центр. Чтобы разгадать загадку человека по имени Дзиро Эгами, который являлся для меня воплощением детективного жанра.

---

¹⁵ Отсылка к роману Муситаро Огури «Убийство в замке Черной смерти» (1934), также одной из «Трех великих странных книг».

¹⁶ «87-й полицейский участок» – цикл остросюжетных произведений американского писателя Эда Макбейна (1926–2005).

2

– На «Э»? «Эссе. Черный блокнот» Мацумото Сэйтё, – произнес Эгами.

– Крутизна! – захолопал в ладоши Мотидзуки. – Но эссе разве считается?

Поезд знаменитой высокогорной линии Коуми приближался к главной достопримечательности своего маршрута – высочайшей точке японской железной дороги. Девушки фотографировались на фоне памятной отметки, железнодорожные фанаты предпочитали снимать состав. Всю дорогу Эгами отстраненно смотрел в окно. Даже во время беседы не отрывал взгляда от окружающего пейзажа. И ни разу не заснул. Вот и сейчас, сидя у открытого окна, он не замечал, как ветер треплет его волосы, и, казалось, сосредоточил все свое внимание на горных полях и красных крышах пансионатов, которые мелькали то тут, то там.

Поезд начал спускаться с высокогорья. После того как многие пассажиры сошли на Нобэяме, самой высокой станции, состав пошел легче. Поезд бодро мчался в направлении Коморо.

В Коморо мы прибыли около одиннадцати утра. Съели ранний ланч в привокзальной столовой. До отправления автобуса к месту нашего назначения – горе Ябукияма – оставалось около часа.

– Прогуляемся до Кайкоэна?¹⁷ Тут недалеко, – предложил я. На что Толстый и Тонкий одновременно ответили:

– Мы там уже были!

– С таким багажом?

Понимаю. Согласен. Я лишь подумал, что было бы неплохо лишний раз засвидетельствовать уважение месту, где разворачивалось действие романа «Обвинение тени» Такао Цутии¹⁸.

Мы решили скоротать время в кофейне у автобусной остановки. Толкнув тяжелую акриловую дверь с надписью «Soleil»¹⁹, мы оказались в продолговатом помещении, похожем на узкий коридор. Кроме нас там была только группа из семи парней и девушек.

Мы сели у входа, через столик от них. Попросили четыре порции кофе со льдом и в ожидании заказа почему-то не проронили ни слова. Эгами и Мотидзуки курили, Ода взял с журнальной стойки утреннюю газету и разложил на столе, заняв его полностью. Я вытер пот со лба носовым платком и рассеянно уставился на литографию на стене. На ней, совсем не по сезону, была изображена брусчатка голого зимнего Парижа.

– Правда! Это было ужасно. Чай с совершенно скисшим молоком.

– Эй, отличный был чай! Это тебе в отместку за те сомнительные коктейли, которые ты пыталась влить в меня на Роппонги²⁰ в прошлом месяце.

– Юко, о чем это он?

– Да так, ничего особенного. Просто если этот человек пригласит вас в настоящий непальский ресторан, ни за что не берите масала-чай.

Раздался взрыв хохота.

До нас доносились веселые голоса компании, которая расположилась поблизости, заняв два столика. Четыре парня и три девушки, все громогласные, шумные. Возле них на полу валялись большие рюкзаки и палатки. Одежда и экипировка не оставляли сомнений в том, что они, как и мы, приехали встать лагерем. Возможно, даже в том самом месте – на Ябукияме. Они выглядели воодушевленными и, похоже, радостно предвкушали восхождение на гору, в

---

¹⁷ Исторический парк в г. Коморо, префектура Нагано; расположен на месте руин замка Коморо.

¹⁸ Цутия Такао (1917–2011) – японский писатель, автор детективных романов.

¹⁹ Soleil (*фр.*) – солнце.

²⁰ Роппонги – квартал в Токио, центр деловой и ночной жизни.

отличие от нас, которые имели вид молчаливый и угрюмый, напоминая монахов-подвижников, направляющихся на сюгэндо²¹. Женщин в нашем Клубе изучения детективов отродясь не бывало.

– Эгами... вернее, босс, – произнес Мотидзуки, – первый номер нашего журнала выйдет этой осенью.

– Удачи, господин главный редактор первого выпуска! Кстати, может, напишешь что-нибудь? – предложил Эгами, и Мотидзуки энергично кивнул:

– О да. Выложусь по полной. Это будет шедевр! Об Эллери Куине я могу рассуждать бесконечно. Как вам название «Фуга как прием»? Многослойность полифонической фуги Баха как метафора совершенной куиновской эстетики в жанре whodunit...²²

– Не душни. Кто это будет читать?

Кто-кто, а Ода, ярый фанат хардбойлда²³, уж точно и не взглянул бы на такую статью.

– Сектантов не спрашиваю. Я часто думаю о том, как редки чистые детективы, где сыщик, вооружившись факелом логики, подводит читателя к выявлению единственного возможного убийцы. Разве что «Тайна Мари Роже» Эдгара По да ранний Куин. Вот и всё, пожалуй.

Он больше всех в нашем клубе любил обсуждать чистые детективы.

– Классический детективный роман в английском языке называется puzzler²⁴, но это фигня, а не головоломки! Будь то Ван Дайн или Агата Кристи, вопрос стоит так: «Кто совершил убийство?» А что на самом деле? Они пишут, что у каждого был мотив и возможность совершить преступление, а в конце бац: «Убийца – А. Когда он поднялся наверх, чтобы взять книгу из спальни второго этажа, он спустился по каменным ступеням на террасу, вошел в кабинет через французское окно²⁵, убил жертву, поспешил обратно по каменной лестнице на второй этаж, после чего вернулся вниз как ни в чем не бывало». Но А был не единственным, у кого не было алиби, так почему вдруг именно А? Мы знаем, что, когда А поднялся на второй этаж, у него появилась возможность совершить преступление. Тогда объясните мне, как определили, что А сделал это, когда поднялся на второй этаж, а не когда В вышел в пристройку, и не перед тем, как С позвонил в дверь?

– Да заткнись ты уже! – Ода листал газету. – Если ты такой любитель логики, чего тогда прогуливаешь лекции по экономической теории? Почему забил на имущественное право? Отчего не стал сдавать математику на вступительных? Куин твой просто софистика.

– А я знаю, о чем ты, Моти, – вмешался я. – Хотя тема очень узкая, я отлично понимаю, что ты имеешь в виду. Действительно, существуют строгие рамки во всем, что касается поиска преступника, и речь не про убийство в запертой комнате или трюк с опровержением алиби, когда достаточно идеи – и, считай, роман готов.

– Но если убрать Ван Дайна и Агату Кристи, то поклонникам хонкаку просто нечего будет читать, – возразил Ода.

Мотидзуки выглядел обескураженным.

– Как говорил Сэйси Ёкомидзо²⁶, луг прекрасен лишь потому, что каждый цветок в нем уникален. – Я решил подытожить спор и сменить тему: – Интересно, эти ребята направляются

---

²¹ Сюгэндо (*яп.* «путь тренировок и испытаний») – японское синкретическое учение, включающее в себя древние практики поклонения горам.

²² Whodunit (*англ.*) – «Кто это сделал?» (сокращение от «Who [has] done it?») – тип детективного сюжета, в котором читатель не знает до развязки, кто является преступником.

²³ Hardboiled (*англ.*) – «круто сваренный»; обычная передача по-русски – «крутой детектив» – тип детективного сюжета с высоким градусом насилия и циничным сыщиком в качестве основного персонажа.

²⁴ Puzzler (*англ.*) – трудная задача, головоломка.

²⁵ Французское окно – панорамное окно от пола до потолка, выполняющее также функции двери.

²⁶ Сэйси Ёкомидзо (наст. имя Масаси Ёкомидзо; 1902–1981) – один из самых популярных и влиятельных в Японии авторов детективов.

туда же, куда и мы? – Я оглянулся на группу молодых людей, и будто по команде раздался новый взрыв хохота.

– Послушай, Нобунага, – Нобунагой мы, конечно же, прозвали Оду²⁷, – ты вообще хоть раз бывал на Ябукияме? Место что надо, уединенное, но получится ли разбить там лагерь?

Ябукияма, куда мы направлялись, находилась недалеко от границы префектур Нагано и Гумма. Гора высотой 2400 метров была частью хребта Асамаяма и в путеводителе не была отмечена значком кемпинга.

– Не хотелось бы оказаться в слишком суровых условиях. Мы все-таки не альпинистский клуб.

– Не бойся, Элис. Я туда с дядей поднимался еще в младших классах. Я и сам не позволю, чтобы наша поездка превратилась в экспедицию.

– Там есть заброшенный лагерь. – Мне показалось, что голос позади присоединился к нашей беседе. Но нет, судя по всему, они просто говорили о том же самом. – Когда я был там в скаутском походе много лет назад, в лагере отдыхало много семей с детьми из разных городов: около тридцати разноцветных палаток. Было очень шумно. Но гора эта – спящий вулкан. Десять лет назад там было небольшое извержение, поэтому туристы стали обходить ее стороной.

– Боже! Ты уверен, что туда вообще можно подниматься?!

– Все в порядке. К подножию даже автобус ходит. Хотя, думаю, он просто возит туристов на местный горячий источник.

– Нобунага, это что, вулкан?! – понизил голос я, но он отрицательно покачал головой.

– Подумаешь, десять лет назад пошумел немного. Крупное извержение было, кажется, лет двести назад. С тех пор он не проявлял активности, так что беспокоиться не о чем. К тому же, поднявшись на гору, мы, судя по всему, будем разочарованы обилием людей.

– Лучше уж так, чем в полном уединении.

За праздной болтовней незаметно пролетело время.

– Пошли, – поднялся Эгами.

Группа из семи человек начала собирать вещи со словами: «Кажется, автобус вот-вот придет». Мы вышли из кофейни первыми, и, пока сверялись с расписанием на остановке, нас быстро догнала недавняя компания.

– Кажется, вы тоже на Ябукияму, – обратился к нам парень, который недавно рассказывал остальным о вулкане. У него был красивый загар – наверняка провел лето на пляже. Он дружелюбно улыбнулся Эгами: – Приятно познакомиться.

– Взаимно! Откуда путь держите?

– Из Токио. Туристический клуб университета Юрин. Меня зовут Китано. А вы из Кансая?

– Университет Эйто, Киото. Вот, приехали отдохнуть полным составом нашего... творческого клуба, так что давайте дружить. Я Эгами. Это Мотидзуки, Ода и Арисугава.

Пока мы беседовали, тяжело подъехал автобус, и мы забрались в салон, взвалив на плечи багаж. Следующий час нам предстояло трястись в дороге.

В салоне никого, кроме нас, не оказалось. Девушки сразу начали раздавать сладости. Кое-что перепало и четверем участникам «творческого клуба».

Цутому Китано взял на себя роль лидера компании и представил нам остальных. Така-хико Цукаса – грубоватый, громогласный, настоящий банкара²⁸. Фумио Тода – будущий адво-

---

²⁷ Нобунага Ода (1534–1582) – военно-политический лидер Японии, начавший ее объединение на излете Эпохи воюющих провинций.

²⁸ Обозначение «банкара» возникло в эпоху Мэйдзи (1868–1912), когда бедные молодые провинциалы в знак протеста против вводимой тогда на государственном уровне западной моды «хайкара» (*искаж. англ. high collar* – стоячий воротник, непредставимый на японских одеяниях) начали бравировать своей поношенной одеждой и добивались ее нарочитой потре-

кат, даже в лагерь прихватил с собой справочник шести кодексов²⁹, чтобы готовиться к экзамену. Масаки Такэсита – пухляк с естественно-научного факультета. Китано с Цукасой – студенты третьего курса, Тода и Такэсита – второкурсники. Это парни. Теперь о девушках. Юко Кикиути – невозможная хохотушка. Зубочистку покажи – обхохочется, что уж говорить о палочках для еды. Тацуко Араси – на вид храбрая, но в душе очень застенчивая. Мика Харуми – острый подбородок выдает в ней волевою личность. Мика – на третьем курсе, Юко – на втором, Тацуко – на первом.

За некоторым исключением, вполне душевная компания. С ними наверняка приятно будет посидеть у костра.

Водитель уже повернул ключ в замке зажигания, когда мы заметили девушку, которая бежала в нашу сторону, размахивая руками.

– Мы тоже поедem! Подождите! – В голосе слышалась мольба.

– Похоже, это к нам, – пробормотал Такахико – заядлый курильщик по прозвищу Реасе. Еще двое бежали через турникет: видимо, только что сошли с поезда. Та, что без вещей, поставила ногу на подножку автобуса и, активно жестикулируя, подгоняла двух других, тащивших багаж:

– Давайте, давайте, нас все ждут.

Задыхаясь под тяжестью груза, оставшиеся две девушки, пошатываясь, вошли в автобус. Все трое скинули рюкзаки на пустые сиденья и, тяжело дыша и смущенно оглядываясь по сторонам, бросили «Простите!», обращаясь ко всем сразу.

– Сядьте. Это опасно! – коротко предупредил водитель и тронулся с места. Сделав круг по привокзальной площади, автобус направился в сторону Асамаямы, откуда «сегодня утром опять поднимались три струйки дыма».

– Собираетесь в поход на Ябукияму? – заговорил с девушками Цутому, когда те немного отдышались.

– Да, – ответила та, что бежала первой и останавливала автобус. Она улыбнулась, обнажив великолепные зубы. С такой улыбкой она запросто могла бы сниматься в рекламе зубных щеток.

– Меня зовут Цутому Китано. А это участники университетского клуба. – Цутому, который любил всех знакомить, представил своих друзей, да и нас заодно.

– Ой, так вы из университета Эйто в Киото? А мы из Синнан Гакуин в Кобе. Вместе учимся на английском отделении. Три подруги. Меня зовут Саюри Ямадзаки. Рада знакомству! – Она кивнула; на груди, обтянутой футболкой, сверкнуло золотое распятие. Я подумал, что она очень красивая.

– Руми Фукадзава, приятно познакомиться, – произнесла девушка с конским хвостом, которая бежала следом. При этом она так глубоко поклонилась, что мне невольно захотелось упасть ниц.

– Риё Химэхара, будем знакомы.

Это сказала девушка с удивительно блестящими черными волосами. Кивнув, она откинула назад длинную прядь, скрывавшую половину лица, и едва заметно улыбнулась.

– Риё Химэхара? Неплохо! Звучит как сценический псевдоним, – поддразнил ее Такахико. Я почувствовал лёгкую досаду. Не могу объяснить, что задело меня в его малозначительной реплике.

– Не переживай, Химэхара, – сказал Ода, – титул чемпиона по необычным именам уже занят. А-ха-ха, а-ха-ха, а-ха-ха-ха!

панности и грязноты, что стало широко распространенной мужской молодежной модой, включающей в себя в качестве обязательного элемента дурные манеры и буйные разрушительные развлечения; постепенно понятие «банкара» стало универсально отсылать к грубости, хамству, бесцеремонности.

²⁹ Шесть кодексов – основные документы законодательства Японии.

Идиот. Ну и смейся в одиночку. Прошли те времена, когда я испытывал неловкость при упоминании своего имени. То, что в детстве было поводом для издевок, теперь стало тайным предметом моей гордости, ведь в целом мире я такой один.

Итак, автобус доставил актеров на сцену.

3

К заброшенному лагерю на пятой станции мы прибыли в пятом часу. Лагерь находился на высоте около двух тысяч метров. Несмотря на то что большую часть пути мы проделали на автобусе, подъем все равно был сложным. Тяжелая экипировка, трудные участки с крутыми подъемами и шаткий подвесной мост – все это произвело на нас большое впечатление.

Перед нами раскинулось открытое пространство размером со школьный стадион. О тех днях, когда территория лагеря была заполнена разноцветными палатками, напоминала только разрушенная бытовка. Должно быть, в прошлом в ней жил смотритель. Тишину нарушало лишь щебетание птиц.

– А здесь все изменилось, – потрясенно сказал Ода.

На поляне уже кто-то жил. На темно-зеленом фоне выделялась одинокая оранжевая палатка. Людей не было видно.

– Похоже, хозяев нет дома.

Мы с любопытством приблизились к палатке, но никакой реакции не последовало.

– Скоро вернутся, – сказал Цутому, скидывая груз с плеч, – а мы пока обустроим наше логово.

Мы установили четыре палатки. Ставить их в ряд было неинтересно, поэтому мы расположились на некотором удалении друг от друга. Получилось четыре корпуса: мужской – для четверых парней во главе с Цутому, женский – для трех девушек во главе с Микой, еще один женский – для трех девушек из отряда Саюри и, наконец, четырехместный – для нашего Клуба изучения детективов. «Корпуса» были разбросаны вокруг палатки первых поселенцев, словно спутники вокруг планеты. Когда те вернутся, им может показаться, что их взяли в кольцо.

Отряд Цутому, самый опытный в вопросах туризма, первым закончил установку палатки, после чего отправился на помощь Саюри и ее подругам. Мы тоже наконец установили свой старомодный шатер и с облегчением уселись на траву. И древняя палатка, и старинная тирольская шляпа, в которой радостно щеголял Мотидзуки, достались от дяди Оды.

Как только палатка Саюри, последняя из всех, была установлена, из березовой рощи появились трое парней. При виде того, как преобразился лагерь, лица у них стали как у Урасимы Таро³⁰. Выяснилось, что они, как и мы, приехали сюда на каникулы.

– Привет, – вышел вперед наш вожак Цутому Китано.

Каждый раз ему приходилось знакомить друг с другом все большее количество людей. Он ловко справился с этой важной миссией, связав между собой четырнадцать лиц и имен: вот участники турпохода из университета Юрин, а это творческий клуб университета Эйто, а вот компания подружек с английского отделения института Синнан Гакуин.

– Ага, понятно, – с глупым видом сказал один из парней, тот, что с красивыми усиками. – Меня зовут Сёдзо Иссики. А это мои однокурсники. Мы тоже учимся в Юрине.

– Так вы из Юрина? – недоверчиво воскликнула Юко Кикуги. – Вот так совпадение!

– Вот за это я не люблю большие вузы, – мрачно вставил Такахико. – Мы учимся на факультете коммерции, а он на третьем курсе экономического. А вы?

– Юрфак. Неудивительно, что я никого здесь не узнаю.

– Вот и я говорю, слишком большой вуз, – повторил Такахико.

– Тогда и мы представимся.

---

³⁰ Урасима Таро – персонаж японской легенды о молодом рыбаке, который спас дочь повелителя морей. Когда после нескольких дней в подводном дворце Таро вернулся в свою деревню, то обнаружил, что за время его отсутствия прошло несколько сотен лет.

Сначала Сёдзо представил красавца с тонкими чертами – Нацуо Мисака. «Рад знакомству», – голос как у актера озвучки, чистый и приторный. Второго звали Такэси Нэнно. В лучах Нацуо он смотрелся бледной тенью. Он молча кивнул; рельефное лицо несло на себе отпечаток печали.

– Мы недавно приехали, сразу после полудня. Утром сели на первый автобус из Коморо. Установили палатки, отдохнули и отправились исследовать местность. Возвращаемся, а тут такое. Мы в шоке! Я живу в спальном районе Такасимадайра. Ощущение такое, будто вернулся домой пьяным и случайно забрел не в то здание. Кстати, тут в округе довольно интересно. Осмотритесь позже. Есть смотровая площадка. Видимо, осталась со времен лагеря. Некоторые участки леса больше похожи на лабиринт. Ниже по склону, метрах в пятидесяти, бьет чистый прозрачный ручей. Мы натянули гамак в лесу, там дует приятный ветерок.

А этот парень, Сёдзо, весьма разговорчив, когда не нервничает. Я некоторое время наблюдал, как двигаются под усиками его тонкие губы.

– Ага, понятно, – произнес на этот раз уже Цутому.

– Мы тут на три дня. А у вас какие планы?

– Думали решить на месте, – пожал плечами Бен, он же Цутому. – Провизии у нас дня на четыре.

– А мне вот что-то совсем расхотелось возвращаться в ближайшее время в Токио, – вставил Такахико.

– Мы на две ночевки, – откликнулась Саюри. – Думали, если будет тоскливо, сбежим домой в тот же день, но, похоже, скука нам не грозит.

Наш отряд тоже планировал провести в лагере двое суток. Вчера мы ночевали в Мацумото, дома у дяди Оды.

– Это судьба свела нас здесь в одно и то же время. Предлагаю совместно провести отличные летние каникулы, – торжественно подытожил Цутому.

– Как здорово! Нам точно будет что вспомнить! – радостно ахали девушки из компании Юко.

Я подумал о том, что приехать сюда было хорошей идеей. Вспомнил, как тяжело мы зарабатывали на эту поездку. Эгами помогал на раскопках кофунов³¹ в Наре, Ода вкалывал дорожным рабочим, целый день орудовал лопатой и киркой. Мотидзуки подрабатывал репетитором подготовительных курсов, пять частных учеников, затем проверка работ у заочников – интеллектуальный конвейер. Ну а я крутился как белка в гигантском колесе – днем мыл посуду и грузил мебель, ночью готовил ланч-боксы в закусочной, выкладывал товары в универмаге, таскал манекены. У каждого из нас не обошлось без приключений, но опустим это. Главное, что мы поехали.

– Семнадцать человек? Трудно будет запомнить. Надо прикрепить на палатках таблички с именами, – предложил Нацуо Мисака.

– Эй, а это что? Что там такое? – Руми ткнула изящным пальцем в сторону нашей палатки.

Все посмотрели в том направлении. Так она вывела нас на чистую воду. Вчера Ода (лучше бы он этого не делал) крупно написал маркером на палатке:

---

³¹ Кофун – тип древних могильных японских курганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.